

Урок Делёза и Гваттари: о пользе и вреде политики для онтологии

АНТОН
СЮТКИН

Жиль Делёз. Феликс Гваттари. Перекрестная биография

ФРАНСУА ДОСС

Перев. с фр. И. КУШНАРЕВОЙ, науч. ред. М. МАЯЦКИЙ

М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 672 с.

С тобой и без тебя.

«Весна на улице Карла Юхана»

На русский язык переведена книга Франсуа Досса «Жиль Делёз. Феликс Гваттари. Перекрестная биография». Это замечательная работа, последовательно описывающая юные годы, в которые происходит генезис философских систем двух мыслителей, время их коллективной работы, принесшей им международный успех, и, наконец, поздний период, когда это сотрудничество фактически подходит к концу и интеллектуальные пути героев снова расходятся. Таким образом, выход перевода является большим и важным событием не только для русскоязычных исследователей Делёза (скорее всего они прочитали эту книгу гораздо раньше), но и для «широкого круга читателей». Дело в том, что Досс описывает не только биографические подробности из жизни Делёза и Гваттари, не только показывает, как разви-

Антон Сюткин (р. 1988) – философ, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге, старший преподаватель Национального исследовательского университета ИТМО.

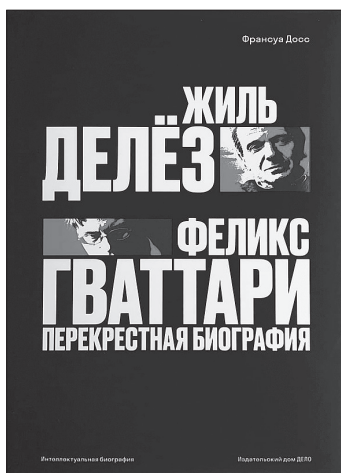

**НОВЫЕ
КНИГИ**

281

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

вались созданные ими понятия – он еще и создает довольно яркую картину интеллектуальной жизни Франции второй половины XX века.

В книге Досса много историй анекдотического свойства, которые очень хочется пересказывать. Однако я попытаюсь аскетически ограничить себя в этом удовольствии. В прекрасной рецензии на сайте «Горький» Иван Напреенко уделил им достаточно внимания, поэтому я смело отсылаю читателей к ней¹. Мне хотелось бы рассмотреть книгу Досса в качестве теоретической интервенции: создавая коллективную биографию Делёза и Гваттари, Досс вступает в полемику по поводу теоретического наследия своих героев. Поэтому в мои задачи входит в первую очередь описание контекста полемики, которую начинает Досс с помощью своей книги. И, возможно, превышая полномочия рецензента, я позволю себе также участвовать в этом диспуте.

ДЕЛЁЗ + ГВАТТАРИ = НОВЫЙ САРТР

Ключевой эпизод книги Досса – это встреча Делёза и Гваттари, их объединение в философский дуэт, просуществовавший почти двадцать лет. Казалось бы, это два совершенно разных человека и мыслителя, между ними сложно найти хоть что-то общее. Заслуга Досса состоит в том, что он подробно описывает предпосылки для их сотрудничества.

Делёз – довольно замкнутый университетский преподаватель, занимающийся созданием собственной философской системы с помощью «прочесывания против шерсти» всей философской традиции. Против господствовавшего во время его философского взросления феноменологически-экзистенциалистского триумвирата Гуссерля, Хайдеггера, Гегеля он создает собственный виталистский триумвират из Спинозы, Ницше и Бергсона. В конце 1960-х Делёз уже работает над философией «от первого лица», не пользуясь для этого вспомогательными фигурами из истории мысли. Серия из двух книг – «Различия и повторения» и «Логика смысла» – представляет собой одну из самых амбициозных попыток синтеза структурализма и экзистенциализма среди всех, предпринимавшихся в то время.

Однако сам Делёз испытывает неудовлетворенность своей системой: под влиянием болезни и событий мая 1968 года он ищет пути обновления собственной мысли. Это особенно заметно на некоторых страницах «Логика смысла», где он сожа-

1 НАПРЕЕНКО И. *Радость непонимания: как Делёз и Гваттари стали самой легендарной парой в истории философии* (<https://gorky.media/reviews/radost-neponimaniya-kak-delyoz-i-gvattari-stali-samoj-legendarnoj-paroj-v-istorii-filosofii/>).

леет, что только мыслит и пишет о «партизанской политике», не являясь на самом деле хотя бы немного «партизаном-террористом»². Таким образом, раннюю систему Делёза разрушает проснувшаяся у него в конце 1960-х «страсть к реальному»³.

Проблема заключается в том, что, будучи заинтересованным в политике, Делёз не обладает политическим характером. Даже в своем понимании философии он утверждает, что философия не имеет никакого отношения к дискуссии и полемике. Философия для него – это аристократический творческий процесс. В этом смысле его ранняя система с утонченной логикой серийной организации отвечает этому пониманию: философия гораздо ближе к искусству, чем к политике, в ней находится место для Борхеса и Кэрролла, но не для Маркса и Мао.

Разумеется, Делёз ссылается в книгах этого периода на Маркса и даже на Ленина. Однако, во-первых, он делает это, полностью оставаясь в рамках альтюссеровской «структуралистской» ортодоксии, а во-вторых, все эти ссылки носят характер примеров, иллюстрирующих общую логику философии различия. До встречи с Гваттари Делёз остается аполитичным метафизиком, одним из двух сильнейших в своем поколении, но испытывающим под воздействием обстоятельств потребность в политизации собственной философии.

Гваттари находится в этот момент в полностью противоположной ситуации. Он человек с ярким общественным темпераментом, левый активист с большим опытом и психоаналитик, ученик Лакана, занимающийся в клинике Ла Борд экспериментальными антипсихиатрическими практиками. Из-за разнообразия общественной деятельности Гваттари, однако, попадает в интеллектуальный кризис: он не может написать ни одной теоретической работы, осмысляющей его практический опыт. Усугубляется это тем, что в борьбе за влияние в рамках лакановской школы он проигрывает Жаку-Алену Миллеру, зятю Лакана и лидеру лакано-альтюссерянского «эпистемологического кружка». Иными словами, потребность в теоретической философской работе у Гваттари возникает из-за его противоречивого положения в лакановской школе. С помощью философии он должен либо бороться за влияние с Миллером, либо окончательно «сепарироваться» от Лакана.

Несколько упрощая, можно сказать, что Делёз – это теоретик, неспособный сформулировать практический смысл собственной философии, а Гваттари, напротив, практик, у которого не получается выявить теоретическое содержание своей активистской и психоаналитической деятельности. Таким образом, Досс показывает, что Делёз и Гваттари буквально нуждаются друг

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

2 Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: Академический проект, 2011. С. 206.

3 Понятие Ницше, которое использует Ален Бадью для описания «онтологической политики».

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

в друге. Более того, доссовские главы о ранних годах его героев проливают свет на еще одно важное условие их встречи: Делёз и Гваттари со школьного возраста являются фанатами Сартра⁴.

Сразу после выхода «Бытия и ничто» Делёз часами обсуждает эту книгу по телефону со своим школьным другом (и будущим писателем) Мишелом Турнье. Более того, еще со школьных занятий по философии за способность Делёза давать собственную интерпретацию сложным проблемам и понятиям многие предрекают ему судьбу «нового Сартра». Однако после знаменитого выступления Сартра о тождестве экзистенциализма и гуманизма, на котором Делёз присутствует вместе с Турнье, он отчасти разочаровывается в проекте своего учителя. Влияние Бергсона, книгу которого «Материя и память» Делёз в это время постоянно носит в своем рюкзаке, постепенно берет вверх.

Гваттари не только в ранней юности рассматривает Сартра в качестве образца для подражания. Уже в зрелые годы в своей антипсихиатрической практике в клинике Ла Борд он использует диалектику групповой динамики из сартровской «Критики диалектического разума». А в поздний период, после фактического завершения философского сотрудничества с Делёзом, Гваттари возвращается к сартровскому экзистенциализму, пусть и в натурализованной «экофилософской» форме.

Можно предположить, основываясь на биографической реконструкции Досса, что за сближением Делёза и Гваттари стоит их стремление стать коллективным «новым Сартром». Делёзу до этого статуса не хватает публичного темперамента, а Гваттари – философской систематичности. Вместе же они вполне могут претендовать на роль главных публичных интеллектуалов от философии для поколения 1968-го.

ИМЕНЕМ ЧЕГО ЯВЛЯЕТСЯ ГВАТТАРИ?

Вокруг фигуры Гваттари в области делёзовских исследований существует ожесточенная полемика – книгу Досса можно рассматривать как реплику в ней. В 1997 году Ален Бадью выпускает книгу «Делёз. Шум бытия»⁵, в которой противопоставляет Делёза-метафизика Делёзу-политику. Гваттари в этой книге почти не упоминается, тем не менее понятно, что он играет важную роль в этом противопоставлении, потому что Делёз-политик – это на самом деле «Делёз и Гваттари».

Согласно Бадью, ранний Делёз времен «Различия и повторения» и «Логика смысла» – это великий аполитичный мета-

4 О влиянии Сартра на раннего Делёза см.: Блинов Е. *Шок радикальной новизны: ранний Делёз и пробелы смысла* // Логос. 2020. № 4. С. 63–88.

5 Бадью А. *Делёз. Шум бытия*. М.: Прагматика культуры; Логос-Альтера / Ессе homo, 2004.

физик, одновременно близкий ему и далекий от него. Близкий, поскольку он так же, как сам Бадью, реабилитирует метафизику как мышление абсолюта после Канта и Хайдеггера. Далеким же, потому что для этой реабилитации он пользуется интеллектуальной интуицией в духе Бергсона, а не математизированной диалектикой, как это делает Бадью.

Политическая философия Делёза и Гваттари подвергается атаке Бадью еще в 1970-е, прежде всего в статье «Картофельный фашизм»⁶, опубликованной под псевдонимом. Во второй половине 1990-х, уже после смерти Делёза, оценки Бадью не сильно меняются. За риторикой Делёза и других «анархистов желаний» о множественности и освобождении Бадью видит скрытое господство Единого и «машинное» ему подчинение. Досс красочно описывает сцены вторжения Бадью и его соратников-маоистов на лекции Делёза в университете Венсан с требованиями отречения от мелкобуржуазного анархизма и признания правоты председателя Мао.

Большинство французских делёзианцев крайне негативно реагирует на книгу Бадью. Она либо обходится молчанием, либо объявляется абсурдом. Лишь немногие делёзианцы – такие, как Эрик Алье, – всерьез отвечают Бадью. Алье читает философский курс, сравнивающий философские проекты Делёза и Бадью, и публикует по его мотивам серию статей⁷. Однако в среде англоязычных делёзианцев книга Бадью производит серьезный эффект. Происходит стремительный рост исследований делёзовской метафизики, одним из побочных последствий которого оказывается возникновение в следующем десятилетии так называемого спекулятивного реализма.

В 2004 году Славой Жижек публикует книгу «Органы без тел»⁸, радикализирующую позицию Бадью. Вершиной эволюции Делёза-метафизика, согласно Жижеку, является его философия квазипричинности и бестелесных событий из «Логики смысла». Вопреки собственному желанию Делёз в этом тексте оказывается парадоксально близким к Лакану и Гегелю.

Жижек в интерпретации делёзовской «Логики смысла» делает акцент на различии между материальным и идеальным генезисом. В материальном генезисе бестелесное событие возникает из взаимодействия тел между собой. Далее, от события, привязанного к той или иной смеси тел, Делёз переходит к событию как таковому – событию, тождественному самому бытию. В идеальном генезисе происходит обратный процесс: делёзовский герой, отождествляя себя с событием как квази-

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

6 BADIOU A. *The Adventure of French Philosophy*. London; New York: Verso, 2012. P. 191–202.

7 Самая показательная из них: ALLIEZ E. *Anti-Oedipus – Thirty Years On // Radical Philosophy*. 2004. № 124. P. 6–12.

8 ŽIŽEK S. *Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences*. New York; London: Routledge, 2004.

причиной, производит контросуществование смеси тел. Таким образом, единое событие-бытие резонирует через локальные события, превращая все смеси тел в собственное выражение. Именно в процессе контросуществования бытие становится однозначным, или, если использовать словарь позднего Делёза, имманентным самому себе.

Жижеку не представляет никакого труда «лаканизировать» или «гегелизировать» основную онтологическую схему «Логики смысла». В делёзовском контросуществовании он обнаруживает схожесть с лакановским отождествлением с симптомом и гегелевским ретроактивным полаганием предпосылок. Совместная работа с Гваттари, таким образом, оказывается для него философским грехопадением Делёза.

Если в «Логике смысла» имманентность представляет собой однозначность бытия, возникающую в дизъюнктивном синтезе событий, то в «Капитализме и шизофрении» Делёз и Гваттари мыслят имманентность в строгой оппозиции к трансцендентности. Более того, сама система Делёза и Гваттари теперь строится вокруг серии оппозиций, между которыми невозможен никакой «средний термин»: молекулярное противопоставляется молярному, номадология – седеметарным наукам, а машина войны – государству⁹. Иными словами, политизация делёзовской философии, связанная с влиянием Гваттари, приводит, как полагает Жижек, к ее упрощению. На языке «Логики смысла» можно сказать, что Делёз и Гваттари привносят функции идеального генезиса в материальный, ограничивая тем самым идеальный генезис только областью репрезентации.

Дело, однако, в том, что политическая философия, создаваемая Делёзом и Гваттари, также не выдерживает критики. В этом Жижек солидаризируется со своим другом-врагом Аленом Бадью. Минимальное различие между ними состоит в том, что Жижек видит возможность спасения делёзовской политики в ее «дегваттаризации». Правда, в интерпретации Жижека политика бестелесных событий мало чем отличается от его собственного лакано-гегельянского коммунизма.

Франсуа Досс, прослеживая параллельные биографии Делёза и Гваттари, стремится доказать, что жижекская «дегваттаризация» невозможна. Делёз становится Делёзом, только благодаря его сотрудничеству с Гваттари: из академического метафизика, пусть очень утонченного, благодаря Гваттари он превращается в публичного интеллектуала – «нового Сартра», собирающего на свои лекции не только студентов, но и просто множество интересующихся людей из разных сфер жизни.

⁹ В данном случае я воспроизвожу классическую диалектическую критику делёзианства. В частности, она представлена здесь: JAMESON F. *Marxism and Dualism in Deleuze* // *The South Atlantic Quarterly*. 1997. № 96. P. 393–416.

Но Досс слишком любит своих героев, чтобы их критиковать. Он, конечно, оговаривается, что политика множественности не должна совпадать с апологией *status quo*, но не останавливается на этом подробно. Идея же «регваттаризации» Делёза, которую он отстаивает вопреки Бадью, Жижеку и некоторым английским делёзианцам, несомненно, этого требует.

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

DOUBLE BIND ДЕЛЁЗОВСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕЖДУ ВЕЛИКИМ И МАЛЫМ

Политизация онтологии означает для Делёза и Гваттари прежде всего онтологизацию политики. Их не интересует политика как автономная область теории и практики: борьба политических партий, выражающих те или иные программы, не имеет для Делёза и Гваттари серьезного онтологического значения. Она слишком завязана на фигуры субъекта и порядок репрезентации, которые сами заслуживают противостояния себе. Повторяя жест романтиков в отношении Французской революции, Делёз и Гваттари настаивают на необходимости не политической революции, имеющей дело с общественными институтами, а космической революции, преобразующей все фундаментальные основания бытия. Они говорят не о борьбе левых и правых, а о борьбе динамического Становления против статичного Бытия, продуктивных сил природы против инертности и энтропии, тела-без-органов против организма. Вопрос заключается в том: есть ли какой-то конкретный коррелят у этой онтологической «великой политики»?

Единственным таким коррелятом является капитализм в его движении к саморазрушению. Рассматривая марксистскую политэкономия через призму ницшеанского витализма, Делёз и Гваттари приписывают капитализму освободительный детерриторирующий потенциал. Капитализм разрушает все статичные субстанциональные ценности, свойственные предыдущей эпохе. Однако капитализм оказывается не готов принять свою собственную истину: за разрушающей ценности детерриторизацией следует отчасти восстанавливающая их ретерриторизация. Задача политической философии Делёза и Гваттари состоит в том, чтобы помочь капитализму принять себя и стать шизофреническим потоком, не имеющим уже никакого отношения к внешним трансцендентным ценностям. Иными словами, капитализм должен перейти от относительной детерриторизации к абсолютной.

В 1970-е, кроме Делёза и Гваттари, оправданием капитализма с марксистско-ницшеанских позиций занимаются также Жан-Франсуа Лиотар в «Либидальной экономике» и Жак Бодрияр

в «Смерти и символическом обмене». С легкой руки Бена Нойса¹⁰ всех, подобных Делёзу и Гваттари, сторонников ускорения капиталистической детерриторизации до абсолюта в современной теории называют «акселерационистами». Однако даже среди вдохновленных Делёзом и Гваттари акселерационистов можно выделить два уклона – левый и правый.

Наиболее последовательную версию делёзовской политической философии создают Антонио Негри и Майкл Хардт – представители левого акселерационизма. Досс рассказывает историю, как Гваттари вытаскивает Негри, обвиняемого в причастности к убийству итальянского экс-премьера Альдо Моро «Красными бригадами», из тюрьмы и как потом Негри, посещая делёзовские лекции в Венсене, становится Спинозистом. В паре с Хардтом он пишет манифест антиглобалистского анархизма под названием «Империя»¹¹, в котором утверждает, что современный капитализм с его ставкой на нематериальный труд является своеобразным «коммунизмом капитала». Таким образом, сама историческая телеология капитализма ведет нас в светлое анархо-коммунистическое будущее, нужно только немного его подтолкнуть своей политической активностью.

Тем не менее в политическом делёзианстве Негри можно выделить сразу несколько болевых точек. Во-первых, Негри, продолжая в этом смысле «Капитализм и шизофрению», противопоставляет анархическое множество и сдерживающую его Империю в дуалистической манере. Из-за этого он оказывается не в силах представить какую-либо позитивную институционализацию множества. Во-вторых, сама теория Империи предполагает конец национальных государств и полное торжество глобальной экономики во главе с транснациональными компаниями. Сегодня, в эпоху наступающего технофеодализма, сопровождающегося очередным возвращением империалистической политики, рассказы о «коммунизме капитала» кажутся утопическими иллюзиями старых добрых времен.

Правый акселерационизм, созданный британским делёзианцем из Уорикского университета Ником Ландом, лишен подобного исторического оптимизма. Более того, Ланд руководствуется в своей политической философии принципом «чем хуже, тем лучше». Капитализм, согласно Ланду, разрушает не только стабильные социальные связи – в пределе капиталистическое развитие должно привести к уничтожению всего человеческого рода¹². Однако именно за это нигилистически и антигуманистически настроенный Ланд прославляет внутреннюю разрушительную динамику капитализма. Иными сло-

10 Noys B. *Malign Velocities: Capitalism and Accelerationism*. Winchester: Zero books, 2014.

11 Негри А., Хардт М. *Империя*. М.: Практика, 2004.

12 Ланд Н. *Сочинения: В 6 т.* Пермь: Гиле пресс, 2019. Т. 2 («Киберготика»).

вами, абсолютная детерриторизация в понимании Ланда ведет не к победе анархистских множеств (версия Негри), а к гибели человечества – идея, конечно, предельно чуждая духу делёзовской философии.

Альтернативой романтической онтологизации капитализма, происходящей в акселерационистском развитии делёзовской мысли, является интерес к микрополитике. Если революция не ограничена автономной областью политики, а свойственна всему бытию, то это значит, что революционным можно становиться везде и всегда. У Делёза и Гваттари такая революционная микрополитика имеет прежде всего эстетический характер: сама жизнь должна превратиться в произведение искусства. Однако генеалогически к делёзовской микрополитике восходит перформативное понимание политики Джудит Батлер и других гендерных теоретиков. Сегодня, когда мы имеем дело с превращенной формой перформативной политики – с политизацией различных стилей жизни, ведущей к бесконечным нарциссическим культурным войнам, – микрополитика так же перестает вызывать энтузиазм.

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИТИКИ
ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

ТРУДНО БЫТЬ ДЕЛЁЗИАНЦЕМ

Подведем итог. Отказываясь от понимания политики как автономной области, поскольку она связана с проблематикой субъективной репрезентации, Делёз и Гваттари производят ее романтическую онтологизацию, которая колеблется между «великой» формой, в которой капитализм движется к собственному шизофреническому уничтожению, и «малой» формой, требующей бесконечной индивидуации и становления революционным. Однако к текущему моменту обе эти формы кажутся если не исчерпанными, то находящимися в глубоком кризисе. Ландовское восхваление суицидального развития капитализма и нарциссическая забота о себе в определенном смысле дополняют друг друга, но входят при этом в неизбежное противоречие с изначальным замыслом Делёза.

Может быть, поэтому во второй половине 1980-х, после фактического завершения сотрудничества с Гваттари (книга «Что такое философия», как доказывает Досс, написана Делёзом в одиночку), Делёз возвращается, по сути, к истории философии в книге о Лейбнице и эстетике в двухтомнике о кино. Более того, как подчеркивает Жижек, на этом этапе Делёз не только тематически начинает напоминать себя раннего – в его онтологии также повторяются мотивы «Различия и повторения» и «Логики смысла». Пройдя через искушение стать «новым Сартром» в сотрудничестве с Гваттари, он вновь об-

АНТОН СЮТКИН

УРОК ДЕЛЁЗА И ГВАТТАРИ:
О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ПОЛИ-
ТИКИ ДЛЯ ОНТОЛОГИИ

наруживает себя в позиции аполитичного метафизика. Такой интерпретации интеллектуального пути Делёза препятствует только легенда, согласно которой в конце жизни он намеревался написать книгу о Марксе, но не успел этого сделать.

Значит ли это, что урок Делёза и Гваттари состоит в том, что мы сегодня не должны больше думать о связи онтологии и политики? Пожалуй, все-таки, нет. Урок этот состоит в том, чтобы быть осторожнее. Прямая онтологизация политики или политизация онтологии может слишком дорого стоить как политике, так и онтологии. Связь между ними требует более сложной системы опосредований, создать которую нам только предстоит.